

Владимир Гладышев

ПОЛУНДРА, МАТРОСЫ ПАЛУБУ ГРЫЗУТ!

Давно, еще во время своей срочной службы в армии, я поставил себе задачу: побывать во всех местах отцовской службы. А это, считай, вся Россия-матушка, от Дальнего востока до Мурманска и Ленинградской области. План начал исполнять уже во время студенчества: по окончании 3-го курса, пройдя производственную практику в районной газете на «отлично», я получил право выбирать место следующей практики. И я сразу, нахально, ткнул пальцем в кружочек на карте с манящим названием «Владивосток». Когда я ещё заработал бы на столь дальнюю дорогу! И полетел через всю страну с отцовской присказкой на устах: *«Полундра, матросы палубу грызут!»* А после университета, уже будучи корреспондентом областной «молодежки», я, наконец-то, исполнил свою мечту – рванул в Ленинград, но главным пунктом для меня был, конечно, Шлиссельбург.

И вот там, в крепости «Орешек», я увидел, узнал своего отца... Ведь это он, а точнее, такой же, как он, морпех в тельняшке, с автоматом в руке застыл в вечном броске, преградив путь неприятелю. Памятник защитникам крепости стоит прямо среди развалин церкви, её руины стали составной частью мемориала.

В отцовском архиве сохранилось единственное письмо от боевого однополчанина Александра Гавриловича Осипова, который жил в Ульяновской области. Фрагмент из письма приведен в моей книге «Беседы в родительский день» (П., 2006), но в том издании я не указал фамилий ни автора, ни адресата, и это вызвало вопросы читателей.

«Федя, милый мой друг, я прочитал письмо несколько раз и никак не мог поверить, своим глазам, всматриваясь в строки, написанные тобой. Ты пишешь, что до сих пор лежишь в госпитале, всё лечишь рану, которой уже четыре года...

Ты спрашиваешь, чем тебя наградили в старом полку. Не сумею тебе сказать, потому что весь полк разбили в тот момент, когда тебя ранило, я тоже выбыл по ранению в глаз... А командир батареи, в то время у нас им был Казаков, погиб под Нарвой. Сейчас трудно, конечно, восстановить, чем ты был награждён.

После госпиталя я попал в другой полк и с тем полком дошёл до Берлина, откуда приехал домой в 1945 году 22 августа.

Насчёт наших старых друзей. Гриша Салатон погиб. Федя Гуров, который заведовал каптёркой и ряд других товарищей тоже погибли...

До свидания, дорогой мой друг! Александр Осипов. 22 октября 1947 год».

Сквозь строчки писем от фронтового друга проступают скупые мужские слезы и суровые реалии жизни, причем не только фронтовой. Сашка, отцовский однополчанин, честно писал, что устроился неплохо, работает парикмахером. И также честно признавался, что «из Германии привез кое-какое барахлишко, посылками посылал, одним словом, живу». Перечисление трофеев моего бату как-то не интересовало. Он берег только свою форменку и полосатые тельники, сложенные стопкой в шкафу.

Об отце я вспоминаю иногда... с зубовным скрежетом. Фронтовик, контуженный в боях под Ленинградом, напрягая память, страшно, неприятно скрипел зубами. (Моя мачеха, Степанида Киприяновна, сразу уходила в такие минуты из комнаты: *«У-у, опять заскрипел...»*)

– *Полундра! Матросы палубу грызут*, – смеялся батя, словно очнувшись. И... почти ничего не мог рассказать мне о своих боевых приключениях. Память отшибло.

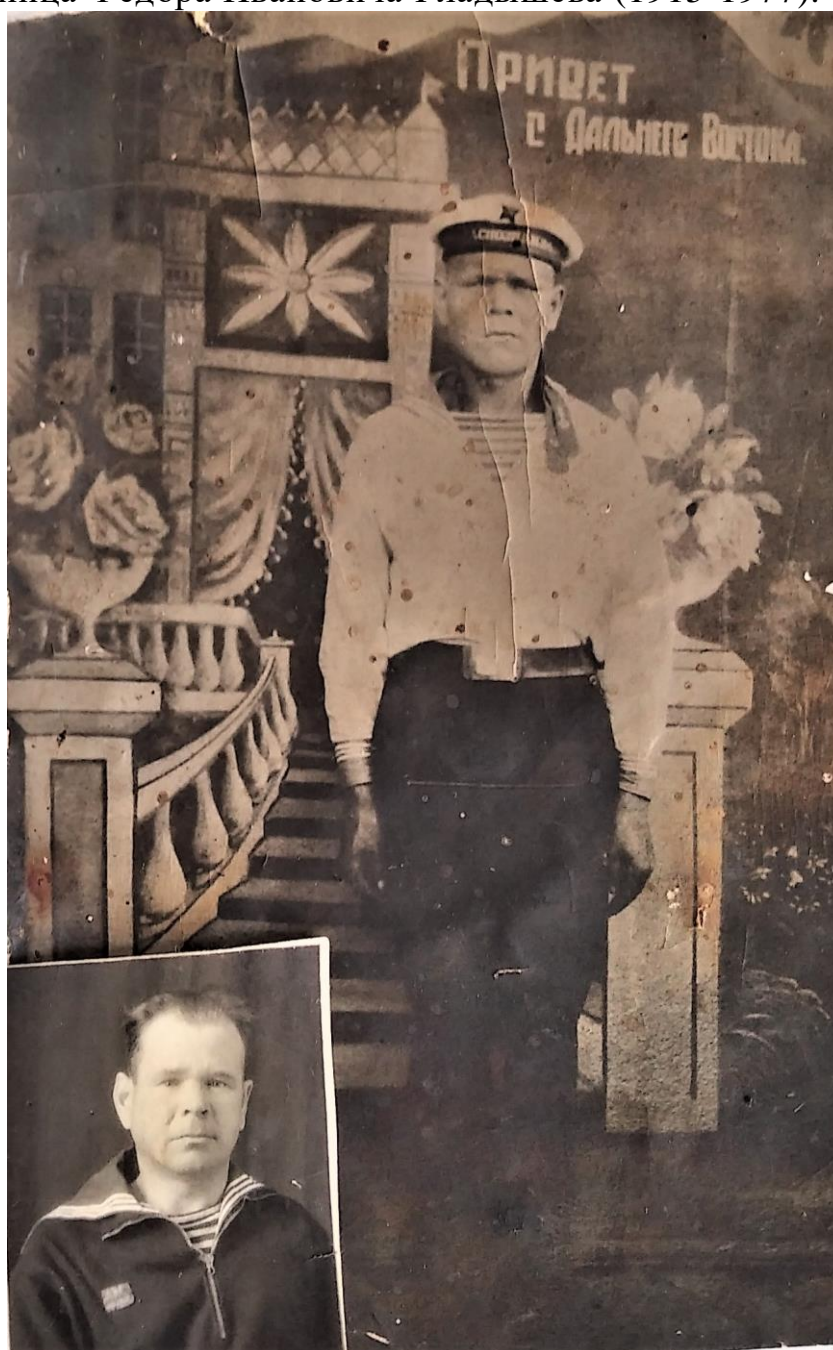
Происходили наши беседы, чаще всего, когда отец был навеселе. Я тогда учился, в начальной школе, подступался к нему с расспросами. Некоторые эпизоды удалось записать... всё это были обрывки воспоминаний, как вспышки ракет.

– Нас фриц боялся... Полундра! «Черная смерть» называли таких. Мы были списаны с корабля на берег, в батальоны сколотили, в отдельный дивизион и на передовую... Награды были, да... Они в тумбочке, в госпитале каком-то остались, да... Столько их было, госпиталей...

За что награждали? За что-то награждали... За крепость «Орешек», это Шлиссельбург, мы оборонялись там... Там меня и ранило. За ранение тоже представили к награде. А что ещё, не помню, крепко контузило меня тогда...

Раз брали «языка», было дело. Ползли под огнем...

Ночью из комнаты снова раздавался скрип зубов... Скрипела растревоженная память «обломка войны». Так отец называл себя и таких, как он. По сохранившимся документам можно проследить боевой путь краснофлотца морского пехотинца Федора Ивановича Гладышева (1915-1977).

Федор Иванович Гладышев-фотография из архива Гладышева В.Ф.

Моряки своих подруг

не забывают

Сохранились два снимка периода службы на Дальнем Востоке, ещё до войны. На одном отец с сослуживцами, в бескозырке, с двумя знаками отличия на груди. На другом фото отец тоже в форме, в белой бескозырке, которая лихо (не по уставу) надвинута на лоб, в руках – мандолина. К музыке батю всегда тянуло, он и позже дома держал балалайку и, однорукий, изредка пытался изобразить на ней что-то.

А ещё чудом сохранился стеклянный негатив: удалой краснофлотец Гладышев прибыл домой, на Физкультурную улицу, и сфотографировался на память с молодой супругой Аней. Голова к голове, как голубки. Видимо, уже отслужил. А, может, в отпуске. Во время службы отец ещё и учился, судя по справке, окончил четыре класса. До службы, значит, учиться деревенскому парню не пришлось. Но «недолго музыка играла». Вот красноармейская книжка, в которой указано: 26 июля 1941 года призван Кагановическим РВК гор. Молотова. В переводе на современный пермский язык – Дзержинским РВК г. Перми. До призыва работал слесарем на лесокомбинате «Красный Октябрь». Здесь, на «градообразующем» производстве, работали многие родственники. И старший, Иван Леонтьевич Гладышев, наш дед, перебравшийся в город из родного села Бым в 1930 году, после того, как зажиточных крестьян-старообрядцев начали крепко прижимать, раскулачивать, загонять в колхозы. И мать наша Анисья Васильевна, тоже устроилась на лесокомбинат, рабочей на распиле.

Воинская часть, в которой начинался боевой путь отца, называлась так: 1-я батарея 72-й мотострелковой бригады отдельного артдивизиона 57-мм пушек. Должность – номерной. Почти за три года фронты и части, в которых воевал отец, менялись несколько раз. На Карельском фронте был истребительный дивизион 45-мм орудий. В списке обмундирования, выданного Фёдору Гладышеву, были шапка (шлем), пилотка, шинель... Всё, как красноармейцам, но вместо гимнастерки – фланелька, вместо нательной рубахи – две тельняшки, вместо шаровар – брюки суконные и брюки ватные, тёплые перчатки, сапоги, валенки (обмотки уже не выдавались), полушубок. А также кальсоны (3 штуки), полотенце (2 штуки), носовой платок (один). Вот, Фёдор Иванович, утрись разок – и войей, как командир прикажет! Бог не выдаст, свинья не съест.

По записям красноармейской книжки видно, чем приходилось воевать: винтовка 1941 года, штык, №5448. В той же графе «Вооружение и техническое имущество» указаны противогаз, плащ-палатка, каска.

Ратная служба отца закончилась 10 марта 1943 года в знаменитой «Крепости-Орешек». В боях за Советскую Родину красноармеец 871-го стрелкового полка был тяжело ранен. Как записано в справке медсанчасти, *«осколочное ранение левого плеча с повреждением кости с последующей экзертацией левого плеча»*.

И начались мучения, таскания по госпиталям. Из Вологды в Молотов, в барак на улице Физкультурная, 22 июня 1943 года прилетела короткая записка: *«Милая Аня, мой адрес Вологда, Краснофлотская, 84. Целую, Федя»*. На листочке чёрный штамп: *«Проверял контролер №27»*. Сохранилась одна телеграмма из городка Каргата: *«Аня, жив здоров, не встречайте, выведу неизвестно когда. Ожидай письмо. Федя»*.

Отец частенько напевал песню «Моряки своих подруг не забывают». Была, была у него подруга и в Заполярье. Мать ждала своего Феденьку, ждала несмотря ни на что. Судя по рассказам её сестры тети Шуры, в жизни неё были очень трудные минуты. Но – дождалась, приехал ее Феденька, хоть и «обломком».

В семье фронтовика было уже трое малых детей, когда случилось новое несчастье. Лихач, севший за руль чужого грузовика, сбил маму, когда она стояла на крыльце магазина за бутылью молока. Этот молодой паразит Костя Горлов оказался родом

из Ленинграда, из эвакуированных... Судьба-злодейка так распорядилась, что город-герой вписан в нашу семейную летопись просто намертво, навечно...

А спустя полвека после гибели мамы, летом 2009 года, почти на том же месте по ул. Маяковского, у бывшего кинотеатра «Темп», случится точно такое же нелепое ДТП, автонаезд, только с еще большими жертвами. Пьяный владелец иномарки врежется в группу жителей, превратив площадку в страшное месиво из костей и мяса. Среди погибших – ребенок, коляска его превратилась в блин. Лобное место рабочей окраины...

Не кроется ли в этом грозный знак всем нам? Еще одно предупреждение. Русь, куда ж несешься ты?.. При таком раскладе русским остается одно – вырождение... Ну, а как иначе? Если забываем своих предков, если не делаем выводы из отечественной истории.

В каждом доме свои скелеты

В каждой семье есть свой шкаф со скелетом, гласит английская пословица. Немало потаённых комнат откроется и мне во время бесед со стариками и после архивных находок...

У отца не было левой руки, потерял после ранения под Шлиссельбургом. С этим связано одно моё жутковатое детское воспоминание. В нашем старом доме на Колхозной, в чулане, висели на гвоздях... руки. Целая стенка из человеческих рук, изжелта-матовым светом проступавшая из полумрака. Это были протезы, которые регулярно получал отец, а носить их не мог. Культия руки болела, протезы были сделаны грубо, не для постоянной носки.

Польза была одна: вместе с протезами выдавались инвалидные перчатки. Когда в семье инвалида трое детей, о недостатке говорить, не приходится. Послевоенная жизнь была полуголодной, одевались плохо. Нормальной одежды-обувки не имели никогда. И только перчатки у нас были всегда хорошие, хоть и великоватые. Отцовские.

Много позже я занялся поиском боевых наград отца. Спасибо сестре Валентине, сохранила небольшой семейный архив. Удалось получить несколько копий документов. Немногого удалось добиться и все же... Накануне одного из юбилейных праздников Победы отца пригласили в военкомат и вручили ему орден Отечественной войны.

Списанный вчистую, отец был признан согласно ВТЭК инвалидом II группы. Работать устроился сначала на лесокombинат, потом объездчиком плодоовощного питомника. Без работы батя просто не мог. Земляки знали: крепче дяди Феди табуретку никто не сладит. Делал он и столы, и шкафы. Мебель была простая, ладная и крепкая – на век. Как-никак потомок знаменитых бымовских краснодеревщиков.

А рука ныла, и это были не только фантомные боли, но и невромы. Непогоду батя предсказывал лучше метеослужбы. Да ещё заработал грыжу – повкалывай-ка с одной рукой.

С большой перегрузкой жило поколение наших отцов. Надсадное счастье им выпало. Радости родители видели мало. Вся радость – в детях, ради нас жили, воевали и страдали.

ЖИЛ-БЫЛ БЫМ... СТОИТ ЛИ ОБ ЭТОМ? (ПОЕЗДКА НА РОДИНУ ОТЦА)

К своим размышлениям на вечный библейский сюжет возвращения блудного сына я пришел, увы, уже прожив добрую половину жизни. С детства я знал, что корни нашего рода по мужской линии теряются в каком-то полумифическом, вполне

евразийском и давно исчезнувшем селе Бым. «Место рождения – Бымовской завод», - прочитал я однажды в отцовском документе. И забыл. Вспоминал изредка, как правило, - на похоронах, когда собирались вместе родственники, очень похожие на отца. И опять звучало в воспоминаниях пришельцев из истории это мерное, как удар колокола, название -- Бым, Бым... Как будто кто-то хотел достучаться до моей души, дозвониться до самого сокровенного, лежащего на дне исторической памяти.

Но я был глух! Но я был слеп. Но время, видимо, еще не пришло для прозрения. Всему свой час.

Однажды я посетил, наконец, родину своих предков. И когда оказался на главной улице старинного села - конечно, Большой, - мною овладело странное чувство: я уже здесь когда-то был. Прочитал фамилии, выбитые золотом на военном мемориале у Скорбящей матери (понравилось, что она не стоит, как в Перми, а сидит, словно присела, пригорюнившись у могилки родного человека). Нашел своих родственников. Почему-то почти все фамилии были мне знакомы, они окружали меня с детства, прошедшего на окраине большого города на улице Колхозной.

Ваулины, Истомины, Кузнецовы, Курлины, Корягины, Лузины, Чесноковы, Митрофановы... Да это ж все наши соседи!

Мистика какая-то... Потом я узнал, что улочка, находящаяся в пермском микрорайоне «Красный Октябрь» (в просторечии - Скандаловка) была заселена, в основном, в 1930-е годы деревенскими переселенцами, бежавшими от насильственной коллективизации. В их числе оказались и мои деды. От колхозов бежали — и на Колхозную попали. А поскольку народ это был все работающий, крепкий и смекалистый, многие были выходцами из староверов, - то быстро обустроились на новом месте, поставили прочные дома, завели огороды, живность разную. И опять зажили справно - представители неистребимого бымовского племени.

Как легендарная Троя, Бым вставал предо мной из рассказов старожилов, которых я застал в живых. Путешествие во времени таило для блудного сына (каковым я поневоле выступал) еще немало неожиданных встреч, радостных и печальных, а то и леденящих душу открытий. То воспаряешь в самую горную высь, к белогорским высотам - то в самую яму, что там ваши американские горки!

Бым, кстати, означает с тюркского «яма»; чтобы выйти в село, надо сначала спуститься с горы и пройти в долину, оставив слева Могильную гору.

Одна из первых же встреч способна ошеломить кого угодно. Нашел я своих родственников. Знакомимся. Обмениваемся рукопожатиями.

-Владимир Гладышев, - представляюсь я.

-Владимир Гладышев, - эхом отвечает мне крепкий мужчина, чем-то неуловимо похожий на моего старшего брата. И улыбается, мой далекий сородич, бывший летчик.

Все совпадает! Только отчества разные. Но отчество - одно. И тут мне некстати вспомнилось, что живу-то я как будто за двух Владимиров... Однажды, еще школьником, нашел я в отцовском комоде странные документы, свидетельства о смерти трех младенцев, которых звали точь-в точь как нас, двух братьев и сестренку. Но выходило, что мы... умерли еще перед войной.

Хоть и не сразу, нехотя, но отец рассказал мне о семейной трагедии, когда дети один за другим умерли от голода.

Родители наши снова обзавелась детьми только после войны, когда отец - «полундра», морской пехотинец, вернулся с фронта. И нарекли своих послевоенных детей, в память о первенцах, также: Леонид, Валентина, Владимир... Вопросов у меня накопилось много, а кто ответит? Ответ знает только ветер... да Могильная гора. Тут и священник бымовской церкви, недавно снова открытой, не поможет. Вопросы, вопросы...

...Были ли мои предки бунтарями? Ведь решились же на протест, бежали от колхозов.

...В каких отношениях находились они, православные и единоверцы, недавние еще потомки старообрядцев?

...Любили ли они русских царей, насколько искренни были в день открытия памятника «Александру-Освободителю»?

...Почему в 30-е годы появлялись среди бымовских «стукачи», даже среди бывших священников? И как вел себя в условиях жестокого нажима и террора отец Стефан Гладышев? А другие мои сородичи? Как воевали? Как робили?..

Вопросы, вопросы... Позже, в архиве политрепрессий, мне удалось найти документы, из которых следовало: дед наш вел себя достойно, никого не «закладывал», убеждениям своим оставался верен до смертного часа, который наступил для него в лагере Томской области.

Иногда мне приходилось брать интервью у людей, находившихся буквально на предсмертном одре. Тетя Тюша, (Таисья, значит), соседка наша бывшая по ул. Колхозной, вдруг вспомнила, прошептала:

-...Отца Стефана-то я хорошо помню, уважали его. Он и венчал нас, в нижней церкви у себя (в Петропавловской церкви, значит)... рука у него, помню, мозолистая такая была...

Отчий дом

«Я за машину родину продал!» Эта крылатая фраза одного из героев замечательного актера и нашего земляка Георгия Буркова из фильма Эльдара Рязанова «Гараж» вспоминается мне, когда я беру в руки пожелтевший документ под названием «Акт №768». Акт о продаже отцовского дома, в котором я вырос. Дом наш стоял на пермской окраине в Заостровке, в просторечии – в Скандаловке. Ничем не примечательный, он стоял бы себе ещё лет пятьдесят. Но вдруг наша рабочая слободка оказалась в центре исторического события. Здание было включено в «чёрный список», потому что попало в зону затопления после ввода ГЭС.

По документам я вижу, что 26 марта 1957 года к нам пришла солидная оценочная комиссия, чтобы оценить строения в присутствии их владельца Фёдора Гладышева, «подлежащего обязательному

переселению на другое место». И оценили! Дом – на сумму 4214 рубля, а всё хозяйство потянуло на 5662 рублей. Страховая сумма – 3713 рубля.

Домовладельцу также полагалась компенсация в размере 4030 рублей. Однако получить эти деньги отец мог в два приема. Первая половина – чрез 10 дней после поступления акта в финотдел строительства ГЭС, а вторая половина – после того, он своими силами разберет все строения и перевезет на новое место. Так было написано в заключении, которое отец почему-то подписал.

Откуда у него, инвалида войны, силы? Откуда помощники, если в семье – одни «иждивенцы», трое малых ребят на руках. Точнее, на руке. В общем, родная советская власть всё сгрузила на «обломка», как отец сам себя называл, когда был в подпитии.

История с отчим домом закончилась столь же кособоко и непланово. Как рассказывала мне соседка, отец отказался рушить то, что было ему дорого. Сказал, что не в состоянии. Хотя много позже собственноручно возвёл пристрой для дочери, вышедшей замуж. Он же был из рода плотников Бымовского завода, там где навыки краснодеревщиков передавались из поколения в поколение.

Наметилось некоторое противостояние: государственная машина ополчилась против маленького человека, фронтовика. Потом подумала немного и... махнула на него рукой. Оставили нашу улицу в покое, до поры до времени. Так что всё было сделано по советской системе ПВО, что означает: «погоди выполнять – отменяют».

Когда разломали все строения (случилось это несколько лет спустя), нашли ещё один схрон, с гражданской войны: в потолке баньки лежали остатки обреза. Попрощаться с родным кровом я не смог, в то время убирал хлеб на казахстанской целине.

Закрылась и наша родная средняя школа №35, в которой в военную пору находился госпиталь №3951, это рабочий поселок Красный Октябрь. Здесь, на ул.Шпальной,12, лечился отец с августа 1943 года. В потрепанной, пожелтевшей справке, выданной при выписке пациента, указана одна его жалоба: «на отсутствие левой руки». Подписан документ капитаном медицинской службы Богаевой. Теперь уж ничто не напоминает о военно-госпитальной странице школы, и школьный музей уничтожен, да и само здание приговорено к сносу. Редкие краеведы помнят, знают о том, что в лихую годину умерших от ран воинов, случалось, хоронили прямо в школьном дворе, в дальнем углу. Там, где много лет спустя мы, школяры, занимались физкультурой.

Также снесена и наша начальная школа, располагавшаяся в деревянном двухэтажном бараке. На ее фундаменте теперь построена красивая деревянная церковь. А вот Грибоедовка стоит! Моя первая в жизни библиотека имени А.С. Грибоедова по-прежнему находится по соседству с храмом, на втором этаже бывшего кинотеатра «Темп». Служит просвещению местных школяров, из 34-й школы, унаследовавшей номер нашей первой в жизни начальной школы. Заведующая библиотекой Валентина Ивановна ежегодно приглашает меня на литературно-краеведческие встречи, которые названы «Гладышевскими». И я всегда прихожу с книжными подарками, своими новыми публикациями. Ведь Грибоедовка была моим вторым домом. Что скрывать: я убежал мальцом из своего дома и прятался... в библиотеке (когда батя, будучи в подпитии, слишком шумел, мешал уроки делать).

Умер наш фронтовик в августе 1977 года. Спустя короткое время рядом с отцом появились первые могилы афганцев, земляков выполнявших, как говорили тогда интернациональный долг... Смотрят на нас с надгробных портретов лихие ребята в тельняшках, как мой отец.

...Десять лет назад я написал в своем очерке об отце (опубликован в сборнике «Победители потомкам», кн. 3): «Меня ждёт ещё отцовский Мурманск, Заполярный круг. Есть у него медаль «За оборону Заполярья». А вот медали «За оборону Ленинграда», как ни странно, нет. Побываем и в Мурманске – где наша не пропала. Полундра, матросы палубу грызут!»

И вот исполнил я свою давнюю мечту: в прошлом году удалось побывать в Мурманске и Североморске. Случай помог: пригласили меня для участия в Романовских чтениях, организованных по инициативе местной православной епархии. В последний день конференции, уже перед самым отъездом, удалось посмотреть мурманские достопримечательности. И в порту побывал, и мемориал морской посетил. Даже открыл, что мы с Мурманском ровесники. Из текста доски на здании городской администрации вдруг обнаружил, что город был заложен 4 октября 1916 года. «Прикол» в том, что узнал я об этом ... в день своего рождения. Размышляя над этим совпадением, «переваривая» все случившееся, прихожу к выводу, то это был мне своего рода подарок, послание от отца ко дню рождения. Давно был отправлен батей подарочек, но - «до востребования»...